

ФОРМИРОВАНИЕ ОБРАЗОВ ВОЙНЫ

© 2015 В.Г. Поваляев

Самарский филиал Московского городского педагогического университета

Поступила в редакцию 19.03.2015

В работе представлены результаты исследований по социальным аспектам формирования образов войны: интерпретация явлений войны в общественном сознании, особенности восприятия образов войны и основания их возникновения, война в языковой картине мира, осмысление событий, связанных с войной.

Ключевые слова: война, образ войны, память о войне, общественное сознание.

Война из-за её развёрнутости и разделённости в социальном пространстве-времени воспринимается не только на уровне фактов непосредственной действительности, но и в виде абстрагированного, идеализированного образа – образа войны. Образ войны в какой-то мере представляет собой специфическое социальное бытие войны.

Зачастую возникновение в массовом сознании того или иного образа военного конфликта ставится исключительно в зависимость от деятельности СМИ, что, на наш взгляд, является существенным недостатком данных исследований. Так, В.В. Серебрянников пишет, что образ – это не результат самостоятельного личного или коллективного восприятия и осмысления, а некий продукт, «вносимый, внедряемый («вдалбливаемый») в сознание людей» «посредством информационно-идеологической, пропагандистской и агитационной работы с широчайшим использованием СМИ»¹. Но больший интерес вызывает мнение Э. Тоффлера, который указывает, что «каждый из нас создает ментальную модель действительности, у нас в голове существует как бы склад образов»². Действительно, образ, который складывается в массовом сознании, может существенно отличаться от предварительно разработанного и внедряемого, т. к. массовое сознание, обладая относительной самостоятельностью, вносит в него свои дополнения, коррективы, эмоциональные оттенки, а в демократическом обществе имеет возможность выбора того или иного образа. Исследование образа войны в значительной степени предполагает решение такой важной проблемы, как анализ процесса интерсубъективации и передачи образа войны от одного поколения к другому.

Особенности складывающегося в результате этой коммуникации образа войны зависят от многих факторов, в том числе – от того, как протекает процесс «понимания» и «присвоения» каждым реципиентом и группами реципиентов новых оценок и смыслов. Понимание текста можно

Поваляев Виталий Геннадьевич, кандидат философских наук, доцент кафедры философии, социологии и политологии. E-mail: jin-vincent@mail.ru

определить как процесс диалога субъектов коммуникации, предметно-практическая деятельность которых определена конкретно-историческими условиями их социального бытия. Определяющими факторами при образовании новых смыслов являются особенности экономической, политической и социальной структуры, в которой находится индивид; а результатом понимания становится новый смысл, возникающий в процессе интерференции сознания автора и читателя. Как отмечал Г.-Г. Гадамер: «Разговор – это не два протекающих друг с другом монолога. Реальность человеческой коммуникации в том, собственно, и состоит, что диалог – это не утверждение одного мнения в противовес другому или простое сложение мнений. В разговоре оба они преобразуются»³.

Итальянский историк Алессандро Портелли в работе «Массовая казнь в Ардеатинских пещерах: история, миф, ритуал, символ» пытается найти ответ на вопрос: «как нам понимать разрыв между событием, произошедшим в действительности, и множественными вариантами воспоминаний об этом событии»⁴. Относительно интерпретации событий 1944 года (когда в ответ на брошенную в колонну эсесовцев бомбу немцы провели массовые казни среди местного населения) Портелли заметил, что, хотя фактический ход событий отражен в документах, эти документы вот уже полвека упорно игнорируют: люди помнят только миф. В соответствии с этим мифом вина за массовые казни лежит на партизанах, которые не сдались немцам по их требованию, чем обрекли на смерть многих мирных жителей (на самом деле – расстрелы произошли сразу после взрыва и никаких «требований» немцы не выдвигали).

По мнению Портелли, главными причинами появления и живучести этого мифа являются следующие:

- внешнеполитическая обстановка после окончания Второй мировой войны (в результате «холодной войны» коммунисты внезапно стали врагами, а немцы – союзниками; «бомбу бросили коммунисты – а все, что делают коммунисты, рассматривается как преступление»);

- несовершенство итальянской демократии («демократия, выросшая из Соппротивления, была не единодушным выбором большинства», и «государственные институты Италии предпочитали не вспоминать тот факт, что они вели войну против фашистов и нацистов»);

- национальные стереотипы («во всей этой истории нет вины немцев: немцы строги, но справедливы; у немцев были правила, и они им следовали»; римляне – бездеятельные фаталисты, а Рим – консервативная столица консервативного государства, следовательно, никакого Соппротивления в Риме не было, в ответе за бомбу просто горстка безумцев, террористы).

Немецкий социолог Харальд Вельцер также рассматривает проблему соотношения действительности и её интерпретаций. Все более и более заметной становится разница между публичной культурой памяти, создаваемой школой, политикой и дидактикой мемориальных комплексов, с одной стороны, и приватной памятью, сохраняемой, например, в семьях, с другой: в то время как в Германии публичная культура памяти сфокусирована на преступлениях нацизма и на Холокосте, в центре семейных воспоминаний стоят страдания немцев, связанные с войной и изгнанием, бомбежками и пленом⁵. Таким образом, возникает два типа отношения к исторической действительности. Во-первых, непосредственная реакция участников. Во-вторых, общественный ритуал увековечения памяти о тех или иных событиях.

Вельцер останавливается на анализе социально-психологических аспектов воспоминания о событиях минувшей войны. Вельцер главным образом рассматривает причины массового распространения мифов, которые (как и в случае с Ардеатинскими пещерами) существуют вопреки всем рациональным доказательствам. Вельцер пишет, что всякий раз, когда воспоминание вызывается из памяти – например, в ходе рассказа, – за этим следует новое его запоминание. При таком повторном запоминании запоминается и контекст последней ситуации вызова из памяти – то есть изначальное воспоминание обогащается новыми нюансами, корректируется, фокусируется на тех или иных аспектах. Воспоминание – это всегда событие плюс воспоминание о том, как его вспоминали, поэтому разговоры о коллективно пережитых ключевых событиях обладают необычайно сильным воздействием на индивидуальные воспоминания каждого.

В ходе коммуникации внутри сравнительно тесных социальных групп (например, жители одного города или военнослужащие одного подразделения) обмен историями производится так долго и истории при этом модифицируются до тех пор, покуда у всех членов сообщества не окажется примерно одинакового набора примерно одина-

ковых историй. Все эти истории базируются на отдаленно схожих фундаментах личного опыта, но в деталях зачастую оказываются ложными воспоминаниями, созданными коммуникацией, а не собственно опытом⁶.

Сознание послевоенного общества в европейских странах подверглось многостороннему и непреходящему воздействию насилия. Как отмечал Клаус Хауманн, глубинное формирующее воздействие, оказанное на немецкое общество пережитыми им в XX в. экстремальными проявлениями насилия, отразилось на восприятиях и действиях не только военных поколений, но и последующих⁷. Воспоминания о важнейших исторических событиях представляют собой своего рода коллажи, которые подвергаются изменениям при коммуникации, но сохраняют свою эмоциональную значимость. Когда, например, в семье рассказываются истории о войне, представители поколения внуков ощущают сильную эмоциональную потребность услышать о своих предках «хорошие» истории. Эта потребность тем сильнее, чем больше молодежь знает о преступлениях нацистов и чем тверже она убеждена в том, что Холокост был самым ужасным преступлением в человеческой истории. Проведенные Вельцером исследования показывают, что и в тех случаях, когда бабушка или дедушка рассказывают истории, в которых предстают антисемитами и военными преступниками, слушатели формируют собственные версии услышанного: причём антисемиты превращаются в героев Соппротивления.

Интересные аспекты влияния официальной информации на крестьян в годы Великой Отечественной войны можно выделить в работе А.А. Панченко, посвящённой региональным моделям восприятия войны, «Беглецы и доносчики: «военные нарративы» в современной новгородской деревне». Проанализировав воспоминания очевидцев оккупации, Панченко пришёл к выводу, что «крестьянская идентичность строится на локальных основаниях: человек идентифицирует себя со своей деревней, а не с нацией, государством или страной. Подобный эффект мы можем наблюдать и в рассказах о Второй мировой войне: на вопрос о начале войны большинство наших информантов вспоминало не сообщения радио и газет 22 июня и не знаменитую речь Сталина, а бомбардировку села немецкими самолётами»⁸. Характерна и другая особенность крестьянских рассказов о войне и оккупации. Рассказчики не идентифицируют себя ни с одной из воюющих сторон. Фашистские войска они называют «немецкими», советские – «русскими», а в качестве «наших» фигурируют только односельчане, причём в этом случае совершенно не важно, какой из воюющих сторон они сочувствуют. Панченко считает также важным подчеркнуть, что общее отношение к оккупационным войскам варьиру-

ется от нейтрального до сдержанно-доброжелательного: «Немцы худого не делали», – наиболее распространённая форма подобных высказываний⁹. Вместе с тем для объяснения отдельных расстрелов и грабежей конструируется фигура некоего третьего лица: «в нашем случае это (несомненно – вымышленные) финны, якобы отличавшиеся рыжим цветом волос и злым характером»¹⁰.

Общество нуждается в системе символических порядков, т. к. именно такая система делает возможным конструирование действительности, придание ей смысла. Н. Н. Смолин, анализируя мировоззрение российских солдат и офицеров – участников Крымской войны, отметил, что сугубо негативный образ России («царство взяточников и казнокрадов», «империя бесхозяйственности») существует параллельно с идеальным образом Отечества, образом России, лишённой глобальных противоречий¹¹. Образ России идеальной в мировоззрении солдат и офицеров явно превалирует над образом конкретным, сложившимся на основе осмысления окружающей повседневности. Соответственно, для русских солдат было несвойственно задаваться вопросом, следует или не следует жертвовать жизнью за Отечество. Двойственность образов, отмеченную Смолиным в отношении участников Крымской войны, на самом деле легко можно обнаружить и во всех последующих войнах России. Также Смолин указывает, что «центром тяжести» в комплексе ценностных ориентаций русского солдата являлся монархизм. Причём «государь выступал как абстрактный символ, существующий практически автономно по отношению к реально действующему государству и его аппарату»¹².

В некоторых случаях символизм и символический язык становятся существенными элементами реальности повседневной жизни и обыденного понимания этой реальности. Война является крайне благоприятной почвой для формирования религиозного сознания. Так, Х. Хофмайстер отмечал: «Войны имеют религиозное измерение. Но не потому, что они все ведутся из религиозных мотивов или разыгрываются на религиозном основании, а потому, что война имеет дело со смертью»¹³. Эрнст Юнгер, немецкий философ и писатель, участник мировой войны, писал, что на войне люди приносят себя в жертву ради «ценностей, лежащих вне личности, любви и верности ... Такие ценности есть ценности солдат и святых»¹⁴.

Принципиальное значение имеет то, что при помощи символов человек уже не противостоит реальности непосредственно, он не сталкивается с ней лицом к лицу. Физическая реальность как бы отдаляется по мере того, как растёт символическая активность человека.

Показательно наблюдение, которое приводит К. Леви-Строс в своей работе «Первобытное мыш-

ление»¹⁵. Во время Первой мировой войны одна из американских дивизий получила название «Радуга» (название было выбрано произвольно). Несколько месяцев спустя всеми бойцами дивизии было признано, что появление реальной радуги является для дивизии счастливым предзнаменованием. Ещё три месяца спустя многие стали утверждать (даже невзирая на несовместимые с этим явлением метеорологические условия), что всякий раз видели радугу, когда дивизия вступала в бой. Более того, изображение радуги утвердилось как эмблема дивизии вопреки тому, что ношение подобных знаков являлось наказанием, наложенным на разбитую в бою часть.

В ряду причин несоответствия между действительностью и её образом следует отметить существование двух уровней осмысления (концептуализации) действительности – мыслительной и языковой. Как известно, понятие как особая форма абстракции фиксирует свойства и отношения предметов и явлений в обобщённой форме. Но на бытовом уровне познания личность оперирует концептами (смыслами), а не классическими логическими понятиями.

Так, в «Военном энциклопедическом словаре» в качестве главных проявлений победы в войне перечислены: разгром вооружённых сил противника, оккупация важнейших частей его территории, дезорганизация структуры и деятельности органов политической власти противника, утрата его населением и армией духовной способности к сопротивлению¹⁶. В ходе войны между Израилем и Ливаном (Вторая ливанская война, 2007 г.) ни одной из этих задач противниками Израиля достигнуто не было. Тем не менее большинство ливанцев (и часть израильтян) уверены, что победу в войне одержала «Хезболла». Данный случай – один из примеров того, что основными чертами языковой концептуализации действительности являются ее несовпадение с научным знанием о мире, противоречивость отражения действительности. И это тоже одно из оснований формирования образа войны.

Подведём итоги. Особенности восприятия образа войны зависят от многих факторов, прежде всего от того, как протекает процесс понимания и присвоения каждым из участников коммуникации новых оценок и смыслов. Осмысление связанных с войной событийных рядов детерминировано многими факторами: национальными стереотипами, социально-политическим и экономическим развитием государства, индивидуальными переживаниями, деятельностью органов пропаганды и т.д. Таким образом, анализ процесса формирования образа войны включает: в содержательном плане – изучение знаковых систем, а в структурном – рассмотрение различных аспектов взаимодействия идеологии и социальной психологии.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Серебрянников В.В. Имидж армии: методологические аспекты // Власть. 2005. №10. С.33-41.
- ² Тоффлер Э. Третья волна. М., 2002. С.263.
- ³ Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного. М., 1991. С.48.
- ⁴ Портелли А. Массовая казнь в Ардеатинских пещерах: история, миф, ритуал, символ [Электронный ресурс] // Неприкосновенный запас: электрон. научн. журнал. 2005. №2-3. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/по27.html> (дата обращения: 2.03.2015).
- ⁵ Welzer H. Das kommunikative Gedächtnis. Eine Theorie der Erinnerung. München: C. H. Beck Verlag, 2002. S.221.
- ⁶ Welzer H. Das kommunikative Gedächtnis. Eine Theorie der Erinnerung. München: C. H. Beck Verlag, 2002. S.267-270.
- ⁷ Naumann K. Nachkrieg in Deutschland. Hamburg: Hamburger Edition, 2001. S.67.
- ⁸ Панченко А.А. Беглецы и доносчики: «военные нарративы» в современной новгородской деревне // Русский политический фольклор: исследования и публикации. М., 2013. С.125.
- ⁹ Там же. С.132.
- ¹⁰ Там же. С.133.
- ¹¹ Смолин Н.Н. Проблемы «боевого духа» в русской армии // Человек и война. М., 2001. С.71-72.
- ¹² Смолин Н.Н. Проблемы «боевого духа» в русской армии // Человек и война. М., 2001. С.67.
- ¹³ Хофмайстер Х. Теория террористической войны // Номо philosophans. СПб., 2002. С.450.
- ¹⁴ Козловски П. Миф о модерне: Поэтическая философия Эрнста Юнгера. М., 2002. С.44.
- ¹⁵ Леви-Строс К. Первобытное мышление. М., 1999. С.42.
- ¹⁶ Военный энциклопедический словарь. М., 2002. С.1160.

FORMATION OF IMAGES OF WAR

© 2015 V.G. Povalayev

Samara Branch of Moscow City Pedagogical University

The paper presents the results of studying the social aspects of the formation of image of war: interpretations of the phenomena of war in public consciousness, specifics of perception of images of war, determinants of its emerging, war in discursive world-view, understanding of events related with war. *Key worlds*: war, the image of the war, memories of the war, the public consciousness.